

A movie poster for the Russian film 'Upside Down' (Исковорканный мир). The background is a dark, stone-walled alleyway. In the foreground, a woman's face is shown in profile, looking upwards. Her face is partially obscured by a large, dark, metallic, insect-like creature with multiple legs and a segmented body. The creature's head is positioned near the woman's eye. The overall tone is dark and mysterious.

Юлий БУРКИН
Константин ФАДЕЕВ

ИСКОВЕРКАННЫЙ
МИР

Константин Фадеев
ИсCOVERканный мир

«Автор»

2000

Фадеев К.

Исковерканный мир / К. Фадеев — «Автор», 2000

Действие повести начинается в 1920-х годах. Художника-реставратора Дмитрия Полянова из Петербурга пригласили в Румынию, где в старинном замке была найдена картина 16 века художника Ладжози...

© Фадеев К., 2000

© Автор, 2000

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юлий Буркин, Константин Фадеев

Исковерканный мир

Повесть

1

«Проклятые комары. Их тоненькое зудение стирает сон с твоего сознания, как резинка рисунок карандаша, оставляя лишь грязноватый след – неглубокую душную дрему...» Переворачиваясь с боку на бок, Дмитрий подивился, что у него еще хватает сил на художественные образы.

Он откинул волглое, то ли от пота, то ли от сырости в воздухе одеяло и свесил ноги с кровати. Откуда эти насекомые берутся в таком большом городе? Положительно, до большевиков комары в Питере не водились.

Прошлепал к окну. Свежее дуновение приятно лизнуло влажную кожу. Однако форточку, несмотря на духоту в комнате, придется закрыть. Затем перебить комаров. Был бы свет, это можно было бы проделать полотенцем. Но электричество по ночам отключают, потому придется действовать более ухищренно. Нужно будет полежать без одеяла, подманивая комаров запахом своего тела, и убивать их. А уж когда звон исчезнет, можно будет закрыть глаза и досчитать до тысячи. Да. Пока же есть возможность подышать...

Он вдохнул в себя несколько глотков ночного неевского воздуха. Затем захлопнул форточку, чуть не уронив с подоконника горшочек с алоэ, и улегся. «3-3-3», – сказала полутьма. А еще через мгновение Дмитрий почувствовал легкий укол в плечо и шлепнул по этому месту ладонью. Так и есть. Между пальцев противно растерлось что-то мягкое.

Внезапно Дмитрий осознал, что ненавидит комаров не только и не столько за то, что они его кусают, а за то, что у них есть выбор: умереть или насытиться. У него такого выбора нет.

И в тот же миг мысли, которые Дмитрий запретил себе думать, вырвались на свободу. Он голоден! Он хочет съесть хоть что-нибудь! Он готов, как комар, добывать себе пищу с риском для жизни, но у него нет такой возможности. И ему придется терпеть до утра, когда в столовой музея ему, в обмен на продовольственные карточки, дадут кусок хлеба, пару картофелин и тарелку щей или супа из конины... Отвратительного, но такого желанного сейчас супа! У него же нет сейчас ни единой крошечки хоть чего-нибудь съедобного. Он знает это точно. Он обшарил все еще с вечера. Раньше этим занимались тараканы, но вот уже полгода, как они, видно изголодавшись, сами покинули его квартиру.

Дмитрий прикрыл глаза и, ведя равномерный усыпляющий счёт, постарался внушить себе, что голод... раз... на самом деле... два... чувство приятное. Три. Многие нынешние медики... четыре... утверждают... пять... что именно голодание... шесть... очищает организм... семь... от различных ненужных ему веществ... восемь... рассасывает жиры... девять... приносит свежесть и здоровье. Десять. Чревоугодие же... одиннадцать... напротив... двенадцать... приводит к болезням, одряхлению и ожирению. Тринадцать.

... Голый невероятно тучный человек сидит на табурете. Его живот отвис уже почти до пола. Он ест, точнее, жрет, и крошки, а то и целые куски пищи, падают у него изо рта. Он уже давно сыт, но двое, облаченные в черные одеяния, силком продолжают пичкать его кусками индейки, сыра, хлеба, овощами, сладостями, поить вином... На лице бедняги поблескивают дорожки от высохшего пота, он затравленно поглядывает на монахов...

Его тошнит. Он отрыгивает съеденное прямо перед собой, надеясь, что больше ему есть не придется. Но тут же один из монахов колет его в ягодицу ножом, и толстяк с воем принимается за очередную порцию...

«Пора!» – произносит кто-то.

Дмитрий вздрагивает и просыпается.

... Какое удивительно реалистичное сновидение. Как омерзителен был толстяк, и как жестоки его мучители... Голод несколько притупился. А вот сон вновь сняло, как рукой. А спать надо, надо. Ведь завтра опять предстоит нелегкий день.

Дмитрий встал и, чиркнув спичкой, зажег свечу. Пошарив рукой под кроватью, вытащил оттуда потрепанную книгу... Еще бы не потрепанную. Именно этого «Дона Кихота» читала ему еще его гувернантка... Он открыл том наугад и погрузился в чтение... Испытанный способ... Через пять страниц Дмитрий прилег, положил книгу на пол, подсвешник – рядом с ней и читал, положив подбородок на край постели... Еще через две страницы он поймал себя на том, что уже не читает, а грезит. Дмитрий задул свечу.

... Он окунулся во тьму, но глаза сразу привыкли к ней, и взгляд его полз сначала по срезу дощатых перекрытий, затем по кирпичной кладке фундамента... Потом долго, очень долго он двигался вниз, через почвенные слои... И вдруг вынырнул в каком-то подземном помещении – коридоре, освещенном тусклыми факелами.

Но даже огонь факелов здесь был мертвенен, словно он имел разум и понимал, что истинная власть тут, что бы не случилось, навечно и безраздельно принадлежит Тьме. Здесь нет места жизни. Не было, нет и не будет.

Шаги! Некротическая атмосфера коридора не угнетала человека, облаченного в мантию из черного бархата. На голове его красовалась небольшая лиловая шапочка-феска. Человек этот двигался по коридору во главе небольшой, но зловещей процессии, и на его бледном, не лишенном обаяния лице блуждала усмешка. И она становилась еще шире, когда за его спиной раздавались всхлипывания, повизгивания и причитания.

Это вскрикивал тот самый неимоверно жирный и насмерть перепуганный человек, которого Дмитрий видел в прошлом сне. Только на сей раз он был одет в белоснежную рубаху до колен. А монахи силой влекли его вперед, держа под руки.

В глазах толстяка застыл ужас, лица же монахов были скрыты капюшонами. Третий монах завершал процессию, то и дело подгоняя толстяка легкими тычками кинжала в раскормленную задницу.

Только сейчас Дмитрий обнаружил, что не имеет тела. Он лишь видит и слышит, но ему нечем прикоснуться к чему-либо. Осознав это, Дмитрий ничуть не испугался своего открытия, а просто перестал обращать на себя внимание, полностью перенеся его на разворачивающееся перед ним действие.

Толстяк и его конвоиры поравнялись с массивной распахнутой настежь дверью, переступили невысокий порог, и взору Дмитрия открылся просторный полутемный зал, оглашаемый звуками ударов и чьими-то стонами.

Заслышав их, толстяк покрылся потом, задрожал и суетливо огляделся.

– *Мата mia!* – воскликнул он при виде расставленных по залу уродливых и устрашающих орудий пыток. – О, Сеньор Перуцци! Зачем вы привели меня сюда?! Что вы собираетесь делать?! Я всегда был набожен, никогда не жульничал, никогда не обманывал служителей Ордена! Колбасы, рулеты, окорока... я продавал их вам по самым умеренным ценам!..

Шагавший впереди остановился и обернулся.

– Набожен? – переспросил он, опалив несчастного свирепым голубым огнем. – Что ж, помолись своему богу и на этот раз. Уж тут-то он тебе обязательно поможет.

Слова его были полны сарказма, и монахи не преминули откликнуться язвительным хохотом. После чего, под аккомпанемент жалобных подвываний толстяка: «Колбасы... Окрока...» и стонов другого несчастного, процессия двинулась по лестнице вниз.

И вот уже стал виден тот, кто испытывал сейчас не только страх, но физические муки.

Двое палачей-монахов размеренно опускали свои плети на мускулистую спину человека, за запястья и икры привязанного к распятию, лицом к стене.

Дмитрий обнаружил, что не только видит и слышит, но и знает откуда-то, что зовут этого несчастного Ладжози, и что эта экзекуция – не первая, которую он выдержал. Хотя об этом можно было и догадаться – по тому, что вперемешку со свежими кровоподтеками его белесая, давно не знавшая солнца спина была испещрена паутиной старых посиневших рубцов...

Палач взмахнул плетью в очередной раз, но тот, кого перепуганный жирный мясник назвал «сеньор Перуцци», поднял руку, и удара не последовало. Рефлекторно напрягшийся и втянувший было голову в плечи узник расслабился и, повиснув на руках, попытался оглянуться.

– Ну? – лаконично спросил Перуцци.

– Это вы... – прохрипел несчастный. – Чего ж вам еще?.. Я дал, дал свое несправедное согласие!.. Я предал свое слово! Вы не добились бы этого пытками, но ваша угроза расправиться с Бьянкой и ее несчастным отцом... – голос Ладжози сорвался, и он замолчал. Затем продолжил спокойнее: – Я согласился. Отчего же эти исчадия ада снова бьют меня?!

– Чтобы укрепить вас в этом решении. – Перуцци опустил руку. – Отвяжите его.

Минуту спустя несчастный рухнул на пол у его ног.

– Встаньте, – приказал Перуцци.

Узник, мужчина средних лет, даже, скорее, молодой, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Сеньор Ладжози!.. – выпучив глаза, прошептал толстяк, узнав пленника. – Так вы живы?! А говорили...

Но очередной болезненный укол кинжала в седалище заставил его охнуть и замолкнуть. С трудом ворочая руками, узник убрал с глаз прядь давно не стриженных спутанных волос и смерил своего мучителя почти дерзким взглядом.

– Итак, маэстро Ладжози, вы готовы?.. – скорее утверждающе, чем вопросительно произнес Перуцци.

– Да. Да, дьявол бы вас побрал, – и при этих словах остатки воли, до того еще державшиеся на красивом, но изможденном лице узника, померкли, сменившись отчаянием, и по щекам его поползли слезы бессилия.

– Спасибо за хлопоты, – криво усмехнулся Перуцци. – Дьявол обязательно прислушается и последует вашему совету.

Монахи вновь загоготали, а сеньор Перуцци, поправив на голове феску, приказал палачам:

– Поставьте мольберт сюда. А ты, – кивнул он одному из монахов, – достань ошейник и посади досточтимого сеньора Ладжози на цепь, подобно псу. Но смотри, чтобы он не издох от удушья. Ты же, – обернулся Перуцци к толстяку, – готовь свою душу. Скоро она отправится в преисподнюю, чтобы встретиться там с господином нашим. Передай ему наше почтение...

Мясник жалобно хлопал глазами и кусал губы, все еще надеясь на пощаду. Но монах с кинжалом вышел из-за его спины, и толстяк, узрев его устрашающих размеров лезвие, сипло взвизгнул...

Ладжози без сил опустился на колени. Дмитрий увидел, как монах, в руке которого был кинжал, быстрым движением вспорол сверкнувшим в свете факела лезвием тонкий белый шелк рубахи толстяка. Бледное, непомерных размеров уродливое брюхо, свисая, прятало от взоров детородные органы. Толстяк побелел, поперхнулся и перестал визжать. Глаза его округлились, напряженно следя за тем, как кинжал переходит из рук монаха к Перуцци.

Те двое, что минуту назад водворили перед Художником мольберт с холстом, теперь затаили мрачную песнь, точнее – заклинание, на странном, словно бы лающем, языке. Перуцци поднял нож высоко над головой и обрушил его на лоснящийся бурдюк живота. Заунывная песня перешла в истерические выкрики. Толстяк дернулся и с удивленным выражением лица повис на руках своих мучителей. Перуцци выдернул кинжал. Брызнула кровь. Багряными пятнами расплылась она по белоснежным лохмотьям.

Перуцци вернул кинжал монаху и повелительно кивнул Ладжози:

– Приступайте.

Тот не шелохнулся, и тогда один из монахов дернул цепь ошейника. Звеня металлом, Художник шагнул к холодеющему трупу.

Дмитрий как будто бы слился с Ладжози, он чувствовал, как в душе того борются жалость и презрение, сострадание и брезгливость. Но у него не было выбора.

В правой руке он сжимал кисть, левая была занята палитрой. Отведя взгляд от стекленеющих глаз толстяка, он макнул кисть в его рану, смешал кровь с красками на палитре и сделал первый мазок на холсте.

... Просыпаясь от собственного испуганного вскрика, Дмитрий сел на кровати и перевел дыхание. Что за отвратительный сон! Он потер ладонями помятое лицо. Эта ночь не принесла ему отдыха. Но на работу идти все-таки надо. Кроме того, поесть удастся только там.

Он выбрал из своего небогатого гардероба почти свежую рубашку, обулся и осмотрел свое отражение в зеркале. Волосы торчали в разные стороны, исправить прическу можно было только мытьем головы. Но котельная не работала уже полгода, кочегары боролись с мировой буржуазией, вода в кранах была только холодная, и Дмитрий, лишь смочив волосы и кое-как расчесав их, вышел из квартиры.

Середина апреля – не самое подходящее время для гулянья по улице в одной рубашке, но вчера днем было уже достаточно тепло, и от канала Грибоедова до Эрмитажа он решил добежать налегке, надеясь, что прохлада придаст ему свежести.

У служебного входа стояли два красноармейца.

– Здравствуйте товарищ, – обратился к Дмитрию невысокий круглолицый солдат, голова которого была острижена так неровно, будто волосы объели мыши. – Папироской не богаты?

– Не курю, – развел руками Дмитрий.

– Вот и правильно, – разочарованно крикнув, сказал солдат. – Курить-то, говорят, нынче вредно. Однако, без табаку-то нашему брату и вовсе хана, – добавил он, подмигнув.

Его перебил второй красноармеец:

– А вы, товарищ, не знаете ли, где нам товарища Кутепова найти? – говорил он таким тоном, словно за что-то извинялся. Был он предельно худ, лицо его было рябым и имело болезненный цвет. А глаза... Дмитрий пригляделся. Где-то совсем недавно он уже видел такие затравленные глаза... Во сне?

– Кутепова? – повторил Дмитрий, силясь сообразить, о чем идет речь. – Ах да, – отогнал он от себя видение, – это же наш завхоз. Пойдемте, я провожу вас.

– Ой, спасибо, – затараторил первый красноармеец, семена за Дмитрием. – А вы сами-то кем будете?

– Я – реставратор.

– А-а, – многозначительно протянул солдат. – Слыхали. А занимаетесь чем? Случаем не вожак ли комсомольской ячейки?

– Чего пристал к человеку? – одернул товарища худой. – Может, не до нас ему?

– Нет, отчего же? – возразил Дмитрий из вежливости. Они в этот момент как раз поравнялись с дверью с табличкой «Тов. Кутепов. Зав. ХЧ». – Вы, кстати, по какому вопросу к нам?

– По вопросу культуры. Открыли у нас в части клуб, а культуры никакой и нету. Да и какая без баб культура? Мужики-то она, культура эта, плохо дается... А ежели бы в клубе картин повесить, то и без баб можно.

– Но это очень дорогие картины, – машинально произнес Дмитрий, думая как раз о том, что с новой власти все может стать: отдадут в солдатские клубы подлинники Рембрандта и не почешутся.

– А хоть бы и дорогие, – встрял худощавый, неожиданно воинственно. – Мы для того что ли кровь проливали, чтобы нам буржуйские картины жалели?

Сознавая бессмысленность назревающей дискуссии, Дмитрий подбирал слова, с которыми он мог бы спокойно распрощаться с непрошеными спутниками, но как раз в этот момент дверь завхоза отворилась, из кабинета пахнуло густым махорочным дымом, и раздался голос Кутепова:

– Верно гуторите, товарищи солдаты. Не пожалеем. Приходите, смотрите.

Бывший боевой комиссар, завхоз Кутепов, заржал довольный своей шуткой, солдаты поддержали, а Дмитрий ретировавшись, направился в подвал, где располагалась и его мастерская, и, что его радовало сейчас куда сильнее, небольшая, но уютная столовая. Настроение от сознания этого факта поднялось до игривости.

– Слыхали? – заявил он с порога, чувствуя аппетитный запах кислых щей, – Эрмитаж закрывают, Кутепову поручено поделить экспонаты между красноармейскими клубами.

Народ в столовой загалдел, а Дмитрий, довольный произведенным эффектом, встал в очередь и полез в задний карман брюк за продовольственными карточками.

Покончив с завтраком, он направился в мастерскую. Тут царил так называемый «рабочий беспорядок»: то есть, несмотря на ощущение хаоса, которое возникло бы у случайно заглянувшего сюда человека, Дмитрий точно знал, где и какой тут находится предмет. Он склонился над испещренной мелкими трещинками старославянской иконой и вскоре, забыв обо всем на свете, целиком ушел в кропотливую работу.

... Заглянула Аннушка:

– Здравствуй, Полянов.

– Здравствуй, – вздрогнув, ответил он. – Ты меня напугала... Я вообще сегодня какой-то дерганый. И ночью снился кошмар...

– А мне снился, – не дослушав, присела на стул рядом Аннушка, – очень хороший сон. Но когда я пробудилась, я поняла, что сон этот и очень грустный. Мне снилось, что все у нас по-старому. Так, как было... Будто бы жива мама, и папа здоров и весел. Мы пьем чай с пирожными. Дуняша, как юла, носится из гостиной на кухню и обратно, и всем нам тепло и уютно. Но самое главное, я посмотрела в окно, а там, на веранде – фиалки. Ты помнишь наши фиалки?

– Еще бы. Помнится семена твой отец привозил...

– Кстати, Полянов, – прервала она, – что за глупость ты сморозил в столовой?

– А почему так официально – «Полянов»?

– Чтобы привыкал. Если ты не будешь помнить об осторожности, скоро тебя будут называть именно так. И еще добавлять «гражданин». Не «товарищ», заметь, а гражданин.

... Когда Аннушка появилась в мастерской вновь, в конце дня, она была так встревожена, что голос ее срывался:

– Митя, я так и знала... – и она протянула ему сложенный вдвое листок бумаги.

С недоумением взяв его, Дмитрий пробежал глазами по строчкам текста выполненного на ундервудовской печатной машине и поднял удивленный взгляд:

– В ГПУ?.. – голос его прозвучал предательски глухо, словно он действительно знает за собой какое-то преступление.

Аннушка взволнованно зашептала:

– Все уже знают... Они все боялись нести его тебе... Елисей уже устраивает партийное собрание... Что такое ты все-таки сморозил в столовой?

– Я думаю, это недоразумение, – неуверенно сказал Дмитрий поднимаясь, – все обойдется... Возможно, я вызван, как свидетель.

– Свидетель чего?

– Ну, мало ли... – протянул он неубедительно, и Аннушка не удержалась от горькой улыбки. – Всякое бывает...

Как ни пытался Дмитрий отговорить Аннушку, она проводила его до самого здания ГПУ и осталась ждать возле крыльца. Показав на входе повестку дежурному, Дмитрий двинулся в указанном ему направлении к широкой лестнице, по которой исконно хаживали главным образом «хозяева жизни». Прежде – графы и князья, нынче – те, «кто был ничем, а стал совсем»...

«Виновен... виновен», – нарушая грозную тишину помещения, противно скрипнули перила, когда Дмитрий, в один миг обессилев, тяжело на них оперся и сделал первые шаги вверх по ступеням. Но, услышав этот звук, он отдернул руку и дальше поднимался без помощи перил.

Постучав и войдя в скупо обставленный кабинет комиссара ГПУ, он осторожно огляделся. Над сейфом с крашеными облупившимися боками он увидел портрет Дзержинского и, встретившись с ним взглядом, невольно отвел глаза. Взгляд Дзержинского был таким, словно он мог моментально определить, сколько тебе нужно всыпать плетей, чтобы ты стал мил и послушен.

Комиссар, человек без возраста и с внешностью, ускользающей от внимания, сидел за столом, заваленным пухлыми папками и отдельными пожелтевшими бумагами. Посмотрев сквозь Дмитрия, он взял со стола одну из папок и положил перед собой. Затем, продув папиросу «Герцеговина флор», он, скорбно качая головой, произнес так, будто бы ни к кому конкретно не обращался, а готовился к выступлению на сцене:

– Полянов, значит... – закурив, комиссар принялся перелистывать страницы папки. – Ну, ну. Излагайте.

– Что излагать? – растерялся Дмитрий, чувствуя, как страх в его душе сменяется раздражением.

– Вам виднее, – заметил комиссар, так и не оторвав взгляда от записей.

«Да что он, в самом деле?! – разозлился Дмитрий. – В кошки-мышки со мной, что ли, играет?»

Комиссар молчал. И тогда Дмитрий, не выдержав затянувшейся паузы, выпалил:

– Я не понимаю, в чем, собственно, дело. Да, мой отец – дворянин, но я даже не помню его. С родственниками в Германии я никаких контактов не поддерживаю! Я честно работаю на своем месте, и мое отношение к нынешнему режиму не мешает мне выполнять свой долг.

Комиссар наконец-то поднял на Дмитрия свои бесцветные глаза и посмотрел на него с нескрываемым интересом..

– Складно говорите... – пуская дым носом, произнес он. – Вы-то нам и нужны...

– Наконец-то! – все более распалялся Дмитрий. – Впервые кому-то нужен! Что, не привыкли?! А мне скрывать нечего! Да, нынче я имел неосторожность публично высказаться, якобы Эрмитаж закроют, а картины раздадут солдатне. – (Комиссар поднял брови, так, словно услышанное явилось для него приятным сюрпризом.) – Но это шутка, понимаете, шутка?!

Дмитрий осекся. Сердце бешено колотилось, в висках стучало, и колени предательски подрагивали. Комиссар сплюнул в мусорную корзину подле стола и туда же стряхнул с папиросы столбик пепла.

– Да-а... – протянул он. – А мы-то собирались отправить вас в заграничную командировку... Но с таким-то гонором вас дальше Соловков не пропустят.

Дмитрий ошеломленно молчал. Услышав слово «Соловки», он вздрогнул и хотел что-то сказать, но только обреченно махнул рукой, и наконец все-таки сел: ноги окончательно отказались держать тело в вертикальном положении. Комиссар то ли откашлялся, то ли просмеялся, прикрывая ладонью рот, а затем, пустив струю табачного дыма прямо в лицо Дмитрию, продолжил:

– Но не все так трагично, товарищ, не все так трагично. Если бы вы были, к примеру, членом ВКПб... – Он потушил сигарету. – Я настоятельно рекомендую вам стать членом ВКПб. Без этого сегодня трудно выехать ТУДА. – Сказав это, он почему-то махнул рукой в сторону сейфа. – На вас пришел запрос из Румынии. В поместье некоего графа Влады найдена древняя картина, и именно вас, как ведущего специалиста в своей области, рекомендовали хозяину европейские эксперты. За ваш труд буржуи готовы платить золотом, а деньги нашему молодому государству, ох, как необходимы... – Скрипя кожаными ремнями, он поднялся из кресла. – Однако, в контексте Бессарабского конфликта мы можем отправить туда только по-настоящему надежного товарища...

– А я, значит, ненадежный? – вырвалось у Дмитрия. Он тоже встал.

– Думали надежный, а оказалось ненадежный, – неожиданно хохотнул комиссар. – Идите. Пока. Но подумайте, подумайте... – он уселся обратно в кресло, – И мы подумаем... Вот это не забудьте, а то, не ровен час, тут и останетесь... – протянул он Дмитрию пропуск.

Вопреки ожиданиям, на пути к выходу его коварно не схватили и не препроводили в камеру... Он беспрепятственно добрался до вестибюля, оставил пропуск у дежурного и вышел наружу. На вечеряющей мокрой улице его ждала взволнованная Аннушка. При виде Дмитрия лицо ее осветилось радостью и тревогой.

– Ну?! – коротко спросила она.

– Все хорошо, милая, все хорошо, – рассеянно ответил Дмитрий. – Я провожу тебя домой. Она качнула головой:

– Сегодня мы идем к тебе. – Я еще утром предупредила об этом папу.

Дмитрий подумал о том, как еще вчера он был бы счастлив, услышав такое. Но сегодня страх и разочарование не позволяли ему радоваться по-настоящему. Он явственно чувствовал, как давит на него нечто, исходящее от здания позади. Может быть, кто-то смотрит на него из окна, и он чувствует этот взгляд? Но он не обернулся.

– Пойдем отсюда скорее, – взял он Аннушку под локоть. – Я все расскажу тебе дома.

А в красном уголке Эрмитажа уже проходило экстренное собрание.

«Красным уголком» являлась одна из наиболее просторных комнат хранилища. Помещение было переоборудовано наспех. В центре стояли лавки и стулья, перед ними – застеленный красным кумачом стол президиума с букетиком гвоздик в древнекитайской фарфоровой вазочке, графином с водой и стаканом. А вдоль стен штабелями лежали покрытые пылью бесценные картины.

– Слово для доклада предоставляется товарищу Елисееву.

Елисеев встал, пережидая аплодисменты оправил китель, пригладил волосы и прокашлялся. Когда овации смолкли, Елисеев принялся тщательно поправлять кобуру. Минуты две зал с напряжением наблюдал за этой процедурой. Наконец, парторг заговорил:

– Товарищи! Не все еще у нас хотят жить так, как жил и умер великий Ленин, как учит нас вождь мирового пролетариата товарищ Сталин.

Кто-то в зале захлопал вновь, и остальным пришлось поддержать. Елисеев плеснул из графина в стакан, залпом осушил его, утер губы и продолжал:

– Уже десятилетие наш народ широко и смело шагает к своей победе. Вот. Но еще не все шагают в ногу. Как сочинил пролетарский поэт товарищ Маяковский, – «Кто там шагает правой?левой!» Понимаете ли, товарищи? «левой». Вот. Возьмем, к примеру, сына царского офицера Полянова. Куда сейчас шагает он? Сейчас он уже не шагает, а находится в копете... конпиты..., в общем, в Органах. И там, надеюсь, разберутся, кто и где. Но мы ждать не будем, да и не станем!

По залу пробежал легкий шелест. Елисеев прокашлялся вновь и сменил тон на более доверительный:

– Я почему так говорю? А потому, что я все давно уже понял. Когда весь мировой пролетариат все глубже сплачивает свои ряды, когда крестьянство строит новый быт, а научная интеллигенция кует, понимаете ли, знания, да!.. такие, как Полянов, отказываются от вступления в ряды ВКПб. О чем это говорит? А? Вот. – Елисеев еще раз налил себе воды и выпил ее. – Да и вообще. – Продолжил он. – Чем занимался тут Полянов? Кто-нибудь видел? – Он внимательно оглядел присутствующих.

Зал безмолвствовал, но напряженная тишина уже свидетельствовала о том, что, на вопрос Елисеева «кто за» он откликнется единогласным взлетом рук, независимо от того, о чем пойдет речь. Неожиданно ход мыслей парторга принял иной оборот:

– А вы помните, работал у нас Ребров? Так вот, мне недавно доложили, что этот самый Ребров арестован на Сестрарецком рынке за торговлю срамными картинками. Вот так. Повязали родимого. А мы Реброва проглядели. Проглядели и Полянова. А его длинные руки, между прочим, уже тоже дотянулись и до наших женщин. Софья Львовна, – обратился Елисеев к пожилой женщине, сидящей в конце зала. – Что это у вас на шее?

– Это? – вставая и краснея пролепетала женщина. – Бусы.

– И кто же вам эту гадость подарил?

– Полянов, – упавшим голосом призналась женщина. Но тут же приободрилась: – На международный женский день Восьмое марта.

– Видали?! – поднял палец Елисеев и внимательно посмотрел на него. – И это, заметьте, в то время, когда вся страна, как один, собирает в свои закрома последний колосок!

Однако, зал как будто бы опомнился и еле слышно загудел. Порывисто вскочил комсорг Боровко:

– Ребята! Тише! Дайте товарищу Елисееву закончить!

– Спасибо, – благосклонно кивнул ему парторг. – Так вот. Я и говорю. Что тут делает Полянов? Реставрирует. В том-то и дело. Я лично, мягко говоря, не понимаю: зачем нашей молодой стране нужны старые буржуазные картины? Надо рисовать новые – пролетарские! Вот, Сергей Боровко, например, у нас рисует, и скоро мы пошлем его на слет достижений народного хозяйства... Искусство, товарищи, должно толкать массы на новые подвиги. Я ясно выражаюсь?

– Ясно... – крикнул завхоз Кутепов и подергал себя за усы. Сейчас бы шашку в руку, да на коня, да в поле, навстречу белым конникам... А вся эта словесная тряхомудия ему не очень-то нравилась. «Но не то теперь времечко, не то...» – вздохнул он с тоской и переключил свое внимание обратно на Елисеева. А изумленный гул интеллигенции в зале усиливался. Боровко жестами показывал присутствующим, чтобы они успокоились.

– И это еще не все, – продолжал парторг, повышая голос, чтобы перекрыть шум. – Давайте резать правду-матку до конца. Полянов у нас такой не один. Возьмем его так называемых кол-

лег Грушинского и Райхмана. Куда устремлен их взгляд? В будущее? Нет, товарищи, не тут-то было! Их взгляд устремлен взад.

В зале засмеялись. Сидевшие в первом ряду Грушинский и Райхман, очнувшись от дремоты, удивленно посмотрели друг на друга, а затем синхронно обернулись назад, на остальных, чем вызвали новую волну хохота. Откуда-то из зала прозвучал тоненький истерический смешок, и тут уже все начали буквально корчиться и валиться от смеха со стульев.

Комсорг Боровко, вскочив снова, застучал карандашом по стакану:

– Тише! Ребята! Давайте тише! Товарищ Елисеев не может говорить, когда вы хохочете!

Смех постепенно стих, а Елисеев, воспользовавшись паузой, глотнул воды прямо из графина, пригладил чуб, поправил кобуру и сказал в наступившей уже тишине:

– Вот. Я закончил. Предлагаю голосовать. Кто за?

Грушинский и Райхман первыми торопливо подняли руки.

Они лежали.

... – И все-таки ты должен был согласиться, – сказала Аннушка тихо. Они разговаривали уже больше часа.

– Да зачем?! Мне хорошо и тут.

– Нет. Ты мог хотя бы на время убежать от того кошмара, который окружает нас. А ведь можно там и остаться.

– Я никуда не собираюсь бежать. И как я могу остаться? Как же тогда ты?..

– Если бы мы действительно решились на это, ты, я думаю, придумал бы, как перевезти и меня. Но, вообще-то, это я так сказала. В качестве темы для размышления. В конце концов, если бы ты поехал за границу, ты смог бы найти там лекарство для папы.

Дмитрий, подумав, смущенно кивнул:

– Ты права. Я страшный эгоист.

Она отвернулась, чтобы он не заметил ни торжествующего выражения на ее лице, ни слез на ресницах: единственная возможность заставить его спасти себя, сделать так, чтобы он думал, что спасает других.

– Еще не поздно, – сказала она, боясь, что голос выдаст ее. – Они предложили тебе подумать. Иди завтра же в ЧК и скажи им, что горишь нетерпением выполнить поручение их партии и правительства. А все, что ты нагородил там раньше – полный вздор.

– Ни за что! Да и кто мне теперь поверит?

– А ты покайся, скажи, что ненавидишь свое прошлое, что ты мечтаешь вступить в их партию и строить коммунизм...

– Да как же это возможно?! – от возмущения Дмитрий даже приподнялся на локтях. – И это говоришь мне ты? Ты?!

– Да, я, – с вызовом ответила она. – Потому что этой маленькой ложью ты можешь спасти себя и близких тебе людей. А твоя гордыня погубит и тебя, и нас.

– Может быть, ты и права, но есть ведь что-то святое...

– Гордыня, – устало повторила она и перевернулась на бок. – Знаешь, Митя, давай-ка спать. Утро вечера мудренее.

... На этот раз сон не застал его врасплох. Выходило так, что Дмитрий как будто бы жил сразу двумя жизнями: одной – наяву, и тогда он не помнил ничего ни о Ладжози и его страшных картинах, ни о Перуцци, ни о красавице Бьянке; другой – во сне, и тогда уже не существовало ни Эрмитажа, ни ГПУ. И все-таки какая-то странная неуловимая ниточка крепко связывала два этих мира.

Вновь превратившись в бесплотный дух, Дмитрий мчался над пустынной ночной равниной. Луна в эту ночь была конечно же желтой и нездоровой, собаки конечно же были заупокойную песнь. И повсюду – на кладбищах, на болотах, в каждом темном и опасном закутке

– разные нечистые твари перемигивались и злорадно перешептывались друг с другом: «... последняя!.. он начнет последнюю!..» Но слышали их только те, кого называют «невменяемыми».

Уже почти привычно пройдя сквозь почву, Дмитрий проник в подземную мастерскую огляделся и увидел, что на стене ее красуются целых шесть готовых картин. Дни не отличались тут от ночей, художник давно уже потерял счет времени. Время – величина сугубо субъективная. Секунды с иглами под ногтями делятся вечность, а сутки в беспамятстве делятся не более мига. Порою он ощущал себя древним стариком, порой же ему казалось, что там, на воле, прошло не более недели...

Тридцать лет... Знал ли художник, мог ли он хотя бы предположить, что от того мига, когда он согласился выполнить эти холсты, до того, когда на последний из семи ляжет завершающий штрих, пройдет такая бездна времени?.. Не нашел ли бы он тогда способ лишить себя жизни?

Но мгновение переливалось в мгновение, и все они сливались в реки лет... Время от времени в подземелье вершились очередные богопротивные безжалостные жертвоприношения, и художник принимался за очередной холст... «Блуд»... «Алчность», «Праздность», «Зависть»... Иногда художник, забывая о конечной цели заказчиков, даже увлекался процессом творения. А еще...

Дмитрий никак не мог понять, что же еще. Какая-то мысль, какое-то открытие, какая-то возможность... Художник, слив воедино весь свой талант, все свои знания и мистические откровения, которые не раз посещали его в этом подземелье, надеялся на что-то особенное... Связанное с последним полотном...

– Итак, сеньор Ладжози, вы почти закончили свою работу. – Голос Перуцци помешал Дмитрию разобраться в своих догадках. С удивлением он отметил, что, в отличии от сильно постаревшего художника, Перуцци ни капельки не изменился. – Сегодня вы начнете седьмую картину. На ее создание вам отпущено три года и ни дня сверх того. И когда вы закончите ее, ваши мучения прекратятся навсегда. Ведь вы не боитесь смерти, не так ли, любезнейший?

– Мучения?! – вместо ответа ернически удивился Ладжози и взъерошил пятерней седую шевелюру. – Да разве же это мучения? Я еще никогда не был захвачен так любимым делом, как сейчас. – И Дмитрий чувствовал, что это правда.

– Bravo! – Перуцци похлопал в ладоши. – Я не перестаю восхищаться вами. Годы не сломили вас, мой друг. И вы что же, довольны своей судьбой?

– Не нам судить о путях Господа, – ответил Ладжози серьезно.

– Ну хватит! – злобно сверкнул голубыми глазами Перуцци. – Я, кажется, запретил вам произносить это слово в этих стенах! И довольно разговоров. Сейчас пред вами предстанет очередная жертва. Картина, которую вы начнете нынче же, будет называться «Гнев».

Перуцци трижды шелкнул пальцами, и двое монахов свели по ступеням в зал немолодого роскошно одетого человека со связанными за спиной руками и надменно поднятой головой.

– Как он нас ненавидит, – с усмешкой сказал Перуцци художнику, – в какой безумной, слепой ярости находится он сейчас. Его не страшит даже то, что эта ярость будет стоять ему жизни. – Он обернулся к пленнику:

– Вы и дальше намерены молчать сеньор Венченцио? Учтите: стоит вам сейчас произнести хоть слово, и мы отпустим вас. А промолчите, умрете через несколько минут. Ваш выбор?

Вельможа презрительно глянул на Перуцци и поднял голову еще выше и еще высокомернее.

– Хорошая шея, – сказал тот, принимая из рук прислужника кинжал. – Да и весь он целиком прекрасен в своем гневе, не правда ли? Представьте, Ладжози, этот упрямец дал обет вашему Господу, – произнося это, он брезгливо скривил рот, – что никогда не вымолвит ни слова в присутствии слуг дьявола. Для нас это просто находка. Пока он молчит, мы знаем точно,

что ярость его не остыла. Ну?.. – неопределенно спросил он и пощекотал острием лезвия горло вельможи.

Тот вздрогнул и закусил губу. Монахи затянули заунывную и мрачную песнь.

– Прелестно, – сказал Перуцци и наотмашь перерубил пленнику кадык. – Приступайте, маэстро.

– С удовольствием, – цинично ответил ему Ладжози, наблюдая безумным взглядом, как вельможа опускается на колени, левой рукой держась за горло, а правой зажимая себе рот руками, чтобы не вымолвить ни звука даже сейчас. Между пальцами левой руки вельможи бил пульсирующий фонтанчик крови. Ладжози добавил: – Действительно, прекрасный экземпляр.

Дмитрия передернуло от такого непотребного поведения художника, к которому он уже успел проникнуться симпатией. Но что-то подсказало ему, что Ладжози лицемерит. Что своим нарочитым цинизмом он лишь усыпляет бдительность Перуцци. И еще Дмитрию показалось, что незримая ниточка, связывающая его и художника стала как будто бы прочнее и осязаемее...

А тот, тем временем, окунул кисть в рану уже лежащего на полу вельможи и ловкими движениями принялся растирать краски на мольберте. Он сделал штрих на холсте, а затем искоса глянул на лиловоголовых монахов, словно ему очень нужно было, чтобы они поскорее покинули его. Но те, скрестив на груди руки, бесстрастно взирали на его работу.

Ладжози вздохнул, нанес еще один штрих и вдруг остановился. Он медленно оглянулся вокруг, словно что-то искал. Взгляд его блуждал, пока не встретился со взглядом Дмитрия. «Какие усталые, мудрые... и хитрые глаза, – подумал Дмитрий. – Кажется, они могут видеть через стены и через годы... – И внезапно он понял: – Да он действительно меня видит!»

Ладжози еле заметно махнул ему рукой и произнес загадочно-бессмысленную фразу:

– Для кого-то минует трехлетие, а для кого-то – всего-навсего декада... – и перевел взгляд на полотно.

Дмитрий хотел крикнуть, позвать художника, но, как он ни старался, у него ничего не получалось...

– Что с тобой, Митя?! – Дмитрий открыл глаза и обнаружил, что Аннушка тормозит его за плечо. – Тебе опять приснился кошмар?

– Да... То есть нет. – Дмитрий понял, что от нынешнего сна не сохранилось в его душе того неприятного осадка, который оставляли два предыдущих. – Я что, кричал?

– Да. Ужасно. Перепугал меня насмерть. А что тебе снилось?

– Мне снилось... – Тут Дмитрий почти физически почувствовал, как содержание только что виденного сна ускользает в пучины его подсознания... – Э-э-э... Мне снилась гордыня! – вспомнил он хоть что-то.

– Какой ты впечатлительный, – улынулась Аннушка и откинулась на подушку. – Больше никогда не буду спорить с тобой перед сном.

– Да-да, не спорь, милая, – сказал он, обнимая ее. – Тем более, что всегда права только ты, а я не признаю этого только из упрямства. Я пойду сегодня в ГПУ и сделаю все так, как ты сказала. – Он и сам не понимал, откуда пришло к нему это решение, но твердо знал: он должен так поступить. Хотя бы для того, чтобы помочь Николаю Андреевичу.

На этот раз у него не было повестки, и, назвав свою фамилию дежурному, он минут пятнадцать прождал, пока его пропустят, думая, что он напоминает сейчас мотылька, упорно стремящегося к гибели в огоньке свечи. Метафора банальная, но отвратительно точная.

Наконец, ему позволили выйти из проходной в вестибюль, и он, на подкашивающихся от волнения ногах, двинулся вверх по лестнице. «Какая низость!» – ругал он себя за это малодушие. Он постучал в дверь уже знакомого кабинета.

– Да?! – отозвались изнутри.

Дмитрий вошел и с удивлением обнаружил, что на этот раз за столом сидит совсем другой, смуглый и чернобровый, человек. Прежней была только форма комиссара.

– Простите, а где?.. Э-э... – Дмитрий судорожно попытался припомнить фамилию, но вспомнил лишь то, что в прошлый раз он и не удосужился ее узнать.

– Переведен, – отрезал новый комиссар. – А вы, собственно, кто такой?

– Моя фамилия Полянов... – промямлил Дмитрий и беспомощно развел руками.

– А-а! – новый комиссар грозно прищурился и поднялся из кресла, потрясая в руках папкой досье. – Тот самый Полянов! Сам явился!

– Да, – оторопел Дмитрий. – Вчера я разговаривал с вашим товарищем...

– Он мне не товарищ... – комиссар с размаху хлопнул папкой о стол. – Это вам он товарищ! – сказав это он выжидательно вперился в Дмитрия угольками глаз.

Тот, поевшись, попытался перевести разговор в нормальное русло:

– Я хотел сказать, что в Румынию я ехать готов...

– Крысы бегут с корабля! – нехорошо усмехнулся гэнэушник, снова садясь. – Не-ет, господин Полянов, этот трюк у вас не пройдет! Ваш «товарищ» нам все рассказал. Раскололся, что называется. Не таких раскалывали.

Дмитрий попятился:

– Простите, я, пожалуй, пойду....

– Сидеть, контра! – рявкнул гэнэушник, и Дмитрий тут же безвольно опустился на стул. А чернобровый принялся монотонно, но угрожающе перечислять все прегрешения Дмитрия, после каждого легонько ударяя ладонью по обложке досье:

– Итак, вы – сын царского офицера, – комиссар шлепнул по папке, – вступив в преступный сговор с бессарабскими оккупантами, – шлеп, – протаскивали в массы буржуазную идеологию, – шлеп, – путем так называемой «реставрации», – шлеп...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.